

Aleksander Kiklewicz

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ И РЕФЕРЕНЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Coordination and reference (on the example of Polish and Russian language)

ABSTRACT: The author discusses the problem of reference of (nominal, verbal, adjectival groups, and adverbial) sentence components realized within coordinate relationships. Initially, the author refers to the theory of compactness as an explanation of the processes of generating coordinate constructions in the structure of simple sentences. There are evidences in favor of the thesis that the compactness theory does not explain coordination in semantic aspect. This applies not only to the structure with the main predicate with plural distribution (valence), but also to the entire range of coordination. The author distinguishes two types of references of coordinated phrases (in structure of a simple sentence): a distributional and a collective one. The constructional and semantic peculiarities of the expressions of both types have been described in relation to the contemporary Polish and Russian language.

KEYWORDS: syntax, simple sentence, coordination, pseudo-coordination, reference

Нет, нет, слушай. А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, одеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

Венедикт Ерофеев, «Москва – Петушки»

Введение

В последнее время все больше обращается внимание на семантический и прагматический аспекты сочинительной связи, в частности (возможно, благодаря существованию больших и доступных в интернете корпусов), на значительную диверсификацию сочинительных конструкций (далее – СК).

В связи с этим, главным образом в англоязычной литературе, появились понятия: псевдосочинение, квазисочинение, ложное сочинение (ср. англ. *pseudo-coordination, quasi-coordination, false coordination*)¹. Тем самым получает признание факт, что семантические отношения между членами СК необязательно соответствуют принципу согласования и принципу логической субординации, как это представляли себе языковеды в 60-е, 70-е и 80-е годы прошлого столетия, – сочинение свободно и достаточно регулярно допускает семантическую диспаратность единиц даже их семантическую детерминацию, в связи с чем Г. Вальчак писал о явлении «гипотаксиса в паратаксисе»². Упомянутая выше диверсификация СК в какой-то степени размывает понятие сочинительной связи, что особенно касается тех случаев, когда синтаксемы, занимающие одну синтаксическую позицию, связаны подчинительным союзом, например: *правильно, ибо целесообразно* (Ю. Домбровский), *огромный, хотя сумбурный ресурс людских жизней* (С. Смирнов), *ничемные, хотя и знакомые мысли* (А. Кирилин). В этой ситуации важно поставить задачу поиска той общей (грамматической, семантической или прагматической) основы, которая объясняла бы хотя бы часть нестандартных реализаций сочинительной связи.

В первом разделе статьи я представлю краткий обзор проблематики теории слитности, которая в традиционной лингвистике использовалась для определения природы сочинительной связи. Тем самым будет обращено внимание на то, что чисто формальные, конструктивные критерии не в состоянии объяснить процессов производства и восприятия СК, прежде всего их семантической интерпретации. В следующей части будет рассмотрено понятие референции СК. Выделение двух типов референции: дистрибутивной и коллективной, даст ключ к объяснению семантической диспаратности, а также семантической детерминации в структуре СК, т.е. явлений, которые лежат в основе понятия псевдо-сочинения.

---

¹ J. Kuznetsova, *The first verb of pseudocoordination as an auxiliary*, Bloomington 2006. URL: <http://www.indiana.edu/~sls2006/Handouts/KuznetsovaSLS.pdf>; D. Ross, *Verbal Pseudocoordination in English: A syntactic analysis with reference to diachronic, dialectal and cross-linguistic variation*. In: <https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/42581/VerbalPseudocoordinationEnglish.pdf?sequence=2> 2013; J.M. Sadock, E. Yuasa, *Pseudo-subordination: a mismatch between syntax and semantics*, "Journal of Linguistics" 2002, 38/1, p. 87–111; G. Carden, D. Pesetzky, *Double-verb constructions, markedness, and a fake coordination*, "Chicago Linguistic Society" 1979, 21/2, p. 82–92; R. Quirk, S. Greenbaum, *A student's grammar of the English language*, London 1990; S. Staab, U. Hahn, *Comparatives in Context*, Freiburg 1997; D. Biber, S. Johansson, G. Leech et al., *Longman Grammar of Spoken and Written English*, London 1999; M.A. Vos de, *The Syntax of verbal pseudo-coordination in English and Afrikaans*, Utrecht 2005.

² G. Walczak, *Z pogranicza parataksy i hipotaksy*, [w:] *Studia nad składnią polszczyzny mówionej*, red. T. Skubalanka, Wrocław etc. 1978, s. 132.

1. Слитность, союзная редукция, эллипсис

В традиционной, а также в трансформационной грамматике предложения с сочинительной связью трактуются как слитные, т.е. полученные в результате слияния, контаминации двух (трех, четырех и т.д.) простых предложений, которые различаются одним компонентом³. Например, предложение

(1) Василий учится и работает.

в соответствии с таким подходом интерпретируется как производное от конъюнкции двух простых предложений:

(2) Василий учится, и Василий работает.

В польском языкознании процесс реконструкции сочинительной связи, т.е. восстановления компрессированных элементов, квалифицируется как интерполяция⁴.

Поскольку в производной синтаксической форме отсутствуют некоторые элементы, имеющиеся в исходной форме, ученые пишут о союзной редукции (англ. *conjunction reduction*), синтаксической компрессии и эллипсисе (и в связи с этим – о нулевых синтаксических формах, незамещенных синтаксических позициях и т.д.):

(3) Василий учится и [Василий] работает.

Понятие слитного предложения в течение уже довольно длительного времени подвергается критике⁵. Во-первых, союзная редукция представляет собой

³ См.: Л.Н. Мурзин, *Синтаксическая деривация*, Пермь 1974, с. 130; Е.В. Падучева, *О семантике синтаксиса*, Москва 1974, с. 160 и др.; С. Bartula, *Z problematyki orzeczenia i zdania (na przykładzie języka polskiego)*, „Biuletyn PTJ” 1975, XXXIII, s. 30; J. Kuryłowicz, *Podstawowe struktury języka: grupa i zdanie*, [w:] *Problemy składni polskiej*, Warszawa 1971, s. 38; S. Yamada, I. Igarashi, *Co-ordination in Transformational Grammar*, “Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung” 1967, XX/1–2, p. 145; В. Wiese, *Grundprobleme der Koordination*, „Lingua” 1980, 51, S. 22.

⁴ См.: S. Karolak, *Interpolacja, interpretacja i analiza syntaktyczna*, „Biuletyn PTJ” 1968, XXVI, s. 139–152.

⁵ См. работы: Т.А. Дейк ван, *Вопросы прагматики текста*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста*, Москва 1978, с. 270; Ю.А. Левицкий, *Проблемы сочинения*, Пермь 1980, с. 15 и др.; Дж. МакКоли, *О месте семантики в грамматике языка*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика*, Москва 1981, с. 272; М.И. Откупщикова, *Проблема однородности в задаче общения пользователя с ЭВМ «Структурная и прикладная лингвистика»* 1987, 3, с. 167; В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции (семантика, прагматика, синтаксис)*, Москва 1989, с. 12; В.Ф. Кохно, *Предло-*

исключительно структурную, умозрительную операцию, которая не получила своего психологического подтверждения, о чем в начале прошлого века писал польский языковед А. Красновольский⁶. Искусственность процедуры слияния особенно очевидна в случае СК, включающих большое число компонентов, на что обратил внимание Г. Фонтанский, ср.⁷:

- (4) Spotkałem się z *Karolem, Markiem, Andrzejem, Stefanem, Piotrem, Romanem i całą resztą* < ? Spotkałem się z Karolem, spotkałem się z Markiem, spotkałem się z Andrzejem, spotkałem się z Stefanem, spotkałem się z Piotrem, spotkałem się z Romanem i spotkałem się z całą resztą.

Во-вторых, процедура преобразования предложения с сочинительной связью в конъюнкцию простых предложений представляется более-менее очевидной, однако обратный процесс, а именно «склейка» простых предложений во многих случаях представляется искусственной или (структурно) невозможной, например:

- (5) *Поздняя и незаметно* пришла весна (И. Эренбург) < ? Поздняя пришла весна, и незаметно пришла весна.
- (6) Мы отправились по кинематографическим театрам и стали наблюдать, *какие и как* сделанные картины производят максимальное воздействие на зрителя (Л. Кулешов) < ? Мы стали наблюдать, *какие* картины производят максимальное воздействие на зрителя, и мы стали наблюдать, *как* сделанные картины производят максимальное воздействие на зрителя.
- (7) Саша может *прочитать стихотворение или спеть* < ? Саша может прочитать стихотворение, или Саша может спеть.

В связи с этим важно привести мнение Н.Ю. Шведовой:

[...] Указание на неполноту не может заменить строгого объяснения того, по каким собственно грамматическим правилам построены соответствующие конструкции. Существуют такие грамматические схемы формантов сложного предложения, которые, занимая в его составе синтаксическое место простого

жения с однородными членами в восточнославянских языках, [в:] *Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур*, Мінск 1973, с. 138; A. Wierzbicka, *Dociekania semantyczne*, Wrocław etc. 1969, s. 114; Z. Topolińska (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, Warszawa 1984, s. 318.

⁶ A. Krasnowolski, *Systematyczna składnia języka polskiego*, Warszawa 1909, s. 149.

⁷ H. Fonatński, *Stosunki współrzędności w zdaniu pojedynczym w języku polskim i rosyjskim*, Katowice 1980, s. 39–40.

предложения, в то же время простым предложением не являются, так как они ни при каких условиях не воспроизводятся как самостоятельные единицы сообщения⁸.

В-третьих, интерпретация СК по схеме слитности не соответствует структуре предложений с грамматическим предикатом, одним из валентных требований которого является множественный характер актанта. Например, СК

(8) *Леонардо и Володя* дружили с первого курса (Д. Донцова)

не может быть расчленена на два простых предложения:

(9) < *Леонардо дружил с первого курса, и Володя дружил с первого курса.

так как глагольный предикат *дружить* требует присутствия в значении актанта семантического параметра [множество]⁹, одной из форм выражения которого является СК. Предложения

(10) *Люся, Маша, Наташа* – гордость наша! («Литературная газета»; 29.6.1983)

нельзя расчленить на конъюнкцию трех простых предложений

(11) Люся – гордость наша, Маша – гордость наша, и Наташа – гордость наша.

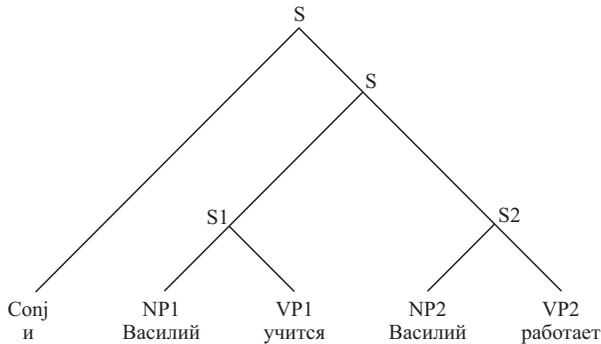
по той причине, что существительное *гордость* как именная часть составного сказуемого выступает в форме единственного числа, т.е. можно предполагать, что СК *Люся, Маша, Наташа* указывает на комплектную группу, имеет собирательный характер.

В-четвертых, союзная редукция объясняет только один аспект содержания СК, а именно – ситуации, положения дел, репрезентируемые отдельными компонентами. Сочинительный союз указывает на логическое отношение простых

⁸ Н.Ю. Шведова, *О разграничении простого предложения и сходных с ним конструкций*, „Otázky slovanské syntaxe” 1968, 2, s. 67.

⁹ Подробнее об этом см.: А. Кіклевіч, *Злучальная сінтаксічная сувязь і элімпіс*, [в:] Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2000, рэд. А. Кіклевіч, Мінск 2001, с. 36; А. Кіклевіч, А. Стрыгельскі, *Да апісання семантычнай катэгорыі сумеснасці*, “Веснік Беларускага дзярж. універсітэта” 2000, 4/3, с. 56; J. Hye Suk Yoon & W. Lee, *Conjunction Reduction and Its Consequences for Noun Phrase Morphosyntax in Ko-rean*, [in:] *Proceedings of the 24th West Coast Conference on Formal Linguistics*, ed. J. Alderete et al., Somerville/MA 2005, p. 379ff.

предложений (или суждений), что подчеркивает, например, Ю.Д. Апресян¹⁰, но между их референтами в действительности устанавливается какая-то связь, которую процедура союзной редукции не в состоянии отразить. Даже если вслед за В.З. Санниковым принять, что сочинительный союз в реальном языковом употреблении не имеет отношения к логической матрице истинностных значений, а выражает семантическое отношение между клаузами¹¹, вне рассмотрения оказываются некоторые существенные аспекты этого отношения, например, таксисные. Для примера рассмотрим приведенное ранее предложение (1). Его исходную структуру (с учетом союзной редукции) можно представить следующим образом:

Сочинительный союз (а такой подход принят также в категориальной грамматике) выполняет семантическую функцию своего рода предиката высшего порядка, который подчиняет себе отдельные клаузы – в том смысле, что указывает на отношение между ними. Содержание соединительного союза является, однако, слишком общим и амбивалентным, чтобы приписывать ему какое-либо конкретизированное содержание, тогда как представляется очевидным, что в предложении (1) неявно представлена семантика одновременности и семантика альтернативности:

- (12) Василий учится и [одновременно, т.е. в течение одного и того же продолжительного отрезка времени] работает [при этом в те периоды времени, когда Василий учится, он не работает, а в те периоды времени, когда он работает, он не учится.].

В предложениях с соединительным союзом дополнительно может выражаться одновременность либо последовательность ситуаций/событий, при-

¹⁰ Ю.Д. Апресян, *Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк)*, Москва 1966, с. 175.

¹¹ В.З. Санников, указ. соч.

чинно-следственные, условные, пояснительные и др. отношения¹², на что указывают приведенные ниже иллюстрации:

- (13) День был *прекрасный, солнечный и прохладный*, настоящая осень (А. Яхонтов) > День был прекрасный, *потому что* день был солнечный и прохладный.
- (14) Чтоб нам *летать и удивляться*: Деревьев нет и листьев нет (А. Кушнер) > Чтоб нам летать *таким образом, чтобы при этом* удивляться.
- (15) А папа *принес и надел* ей на руку настоящие часики (Е. Каретникова) > Папа принес настоящие часики, *a потом* надел часики ей на руку // Папа принес настоящие часики, *чтобы потом* надеть часики ей на руку.
- (16) Перри боялся весеннего половодья, которое грозило разрушить *начатые и беспомощные* сооружения (А. Платонов) > Половодье грозило разрушить (только) начатые, *поэтому* беспомощные сооружения.
- (17) У меня тонкие голени. Как сделать их хотя бы чуть-чуть *полнее и красивее?* («Здоровье») > Как сделать их полнее, *(a) следовательно*, красивее?
- (18) Ona tylko *chodzi, pali papierosy i wszystko rysuje* (E. Stachura) > Ona tylko chodzi, *paląc papierosy i wszystko rysując* // Ona chodzi *w taki sposób, że* pali papierosy i wszystko rysuje.
- (19) Właściwie już dawno powinien im *podziękować, powiedzieć*: nie wykluczone (R. Bratny) > Powinien im podziękować, *powiedziawszy/mówiąc* // Powinien im podziękować *w taki sposób*: powiedzieć...
- (20) Są *pobite i krwawe* (L. Staff) > Są pobite, *dlatego* krwawe.
- (21) A teraz *nowy huragan, nowe tysiące powalonych drzew* (internet) > A teraz nowy huragan, *więc/dlatego* nowe tysiące powalonych drzew.

Имеется и менее очевидный случай имплицитации семантической детерминации в структуре СК, связанный с категорией референции. Речь идет о том, указывают ли сочиненные компоненты на принадлежность к одной и той же ситуации или же к разным ситуациям. Этот вопрос будет обсужден в следующей части.

2. Два типа референции СК

Факт, что СК указывает на множественный характер содержания соответствующего члена предложения, с семантической точки зрения представляется амбивалентным: множественность может означать некоторое число разных

¹² Подробнее об этом см.: A. Cormack, N. Smith, *What is coordination*, „Lingua” 2005, 115, p. 400; P. Weisser, *The syntactic side of Conditional Conjunction*, „Lingua” 2015, 153, p. 42ff.

ситуаций и разных событий или же некоторое число партиципантов в структуре одной ситуации и одного события¹³. Ясно, что мы имеем дело с двумя разными типами положений дел, которые в одних условиях получают свою формальную манифестацию, а в других не получают. Это различие можно показать на простых примерах:

(22) Он то приходил, то уходил.

(23) Он приходил и усаживался рядом.

В первом предложении представлены две референции: [*Он приходил*] и [*Он уходил*]. Сочиненные глаголы указывают на две ситуации, которые разворачиваются в разных отрезках времени. Такой тип референции СК следует квалифицировать как дистрибутивный, а сочиненные компоненты как дисреферентные. Дистрибутивность налагает на единицы достаточно сильные ограничения, что касается их семантического согласования: они должны не только содержать общие семантические признаки, но и представлять один семантический класс. Так, в приведенном выше предложении (22) сочиненные синтаксемы относятся к классу глаголов движения. Если бы мы нарушили это правило, например:

(24) *Он то приходил, то вспоминал.

это означало бы нарушение языковой нормы и, более того, отклонение от системы языка.

В предложении (23) и подобного типа также существует граница ситуаций, но ситуации относятся к одному и тому же событию, а между ними имеется отношение последовательности (*сначала приходил, затем усаживался рядом*) и в некоторой степени отношение обусловленности (*если бы не пришел, не сидел бы рядом*). Здесь мы имеем дело с коллективной (собирательной) референцией СК. По имеющимся данным на СК этого типа приходится около 80%¹⁴.

Коллективные СК делятся на два класса: в одном случае имеется кореференция, а в другом коокуренция компонентов. Кореферентные сочиненные

¹³ Это различие учитывается в теории референции: различаются именные группы с множественной референцией дистрибутивного и коллективного типа. Дистрибутивные (разделительные) множества характеризуются возможностью применения признака множества к его элементам, ср.: *Дети уснули – Павлик уснул*. Коллективные (собирательные) множества не допускают трансфера признака совокупности на уровень элементов, например: *Дети переговаривались – *Павлик переговаривался* (подробнее см. А. Киклевич, *Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации*, München 1998, с. 34).

¹⁴ См. А. Киклевич, *Злучальна синтаксична сувязь...*, с. 39.

единицы указывают на один и тот же объект или фрагмент действительности. Это можно показать на примере наречий, обозначающих направление движения и местоположение:

- (25) И странный попутчик мой шел
со мной *рядом и чуть впереди* (Ю. Левитанский).
- (26) Он вышел из телефонной будки и решительно зашагал *вперёд и вниз*
(В. Аксенов).
- (27) Чуть *справа и сверху* тонкими ножками уходит в глубины моря белесый
высоченный кран-погрузчик (Т. Соломатина).
- (28) Стоило сделать хоть малейшее усилие, стол со скрипом кренился *назад*
и влево («Литературная газета»; 28 IX 1983).

Коокурентными являются синтаксические компоненты, которые указывают на разные объекты, выступающие в качестве участников одной и той же ситуации¹⁵, например:

- (29) Он сидит и о чем-то думает.
- (30) Он смотрит и не моргает.
- (31) Он лежит и не двигается.

Хотя с формально-грамматической точки зрения сочиненные компоненты занимают одну и ту же позицию, однако с семантической точки зрения они не равноправны: первый компонент указывает на некоторое состояние как главный пункт референциальной ситуации, тогда как второй компонент играет дополнительную роль, указывая на способ протекания состояния, т.е. фактически имеет характеризующее значение. Это находит проявление в том, что приведенные конструкции с сочинительной связью могут быть преобразованы в конструкции типа <глагол + деепричастие>, ср.:

- (32) Он сидит, о чем-то думая.
- (33) Он смотрит, не моргая.
- (34) Он лежит, не двигаясь.

Коллективный характер референции СК означает, что ситуации, которые осуществляются последовательно или одновременно, относятся к одному

---

¹⁵ В принципе, можно выделять и третью категорию – комитативные СК, т.е. такие, которые указывают на участие в одной и той же ситуации нескольких объектов, составляющих одно целое, групп, например: *Он угощает меня чаем и вареньем из алычи* (Ю. Трифонов), ср.: *Он угощает меня чаем с вареньем из алычи*.

и тому же событию или положению дел. Это можно показать в обобщенной и символической форме:

$$p \& q \Rightarrow NS(p, q)$$

Символ NS означает сентенциальное имя, т.е. название события или положения дел, в котором ситуации p и q определенным образом структурированы, например:

сидит & о чем-то думает $\Rightarrow$ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ (сидеть, думать)
 лежит & не двигается $\Rightarrow$ ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ (лежать, не двигаться)
 смотрит & не моргает $\Rightarrow$ УДИВЛЕНИЕ (смотреть, не моргать)¹⁶

В отношении коокуренции находятся не только вербальные, но и номинальные именные группы. Так, в стихотворении Б. Кенжеева не только перечисляются предметы и ситуации, относящиеся к некоторому фрагменту действительности, положению дел, но и называется сам этот фрагмент – ОКРАИНА:

(35) Окраина – сирень, калина,
 окалина и окарина,
 аккордеон и нож ночной.
 Кривые яблони, задворки,
 враги, подростки, отговорки,
 разборки с братом и женой.

Отдельные сочиненные компоненты могут указывать на партиципранты одной и той же референтной ситуации, как в приведенном ниже предложении:

(36) «Ты живешь среди людей» – развил свою мысль Сергей. – *Ты и люди*, и с этим ничего не поделаешь (Г. Шпаликов).

Сочетаемость компонентов *ты* и (*другие*) *люди* не основывается на их (объективно имеющем место) семантическом сходстве, а имеет явно детерминативный аспект, который указан в первой реплике. Сочиненные компоненты

¹⁶ Характер структурализации действий в рамках одного и того же события может представлен разными способами, например, с помощью образно-схематических структур (image-schematic structure), применяемых в когнитивной грамматике, см.: A. Stefanowitsch, *The go-and-VERB construction in a cross-linguistic perspective: Image schema blending and the construal of events*, [in:] *Proceedings of the Second Annual High Desert Linguistics Society Conference*, eds. D. Nordquist, C. Berkenfield, Albuquerque 1999, p. 128 и др.

указывают на объекты, которые представлены в одной и той же ситуации, что можно показать в символической форме:

ты & люди $\Rightarrow$ ЖИТЬ СРЕДИ (ты, люди)

x & $y \Rightarrow P(x, y)$

Одним из типов такой детерминативной связи может быть пропозиция

ДЕЙСТВИЕ, ВОЗДЕЙСТВИЕ (субъект, объект)

которая реализуется в выражениях *угнетатели и угнетенные, артист и зритель, охотник и дичь, учитель и ученик* и др. При этом синтаксические позиции субъекта и объекта выражаются с помощью порядка слов.

Подобная эксплицитация семантической детерминации как косвенное указание на коллективный характер референции СК не является правилом. Во многих случаях синтаксическая конструкция с семантической точки зрения амбивалентна и получает определенную семантическую интерпретацию только в контексте. Например, выражение

(37) *поэт и гусар Давыдов*

может быть интерпретировано дистрибутивным или коллективным образом, т.е. либо дисреферентно – по отношению к двум лицам (*некий поэт и гусар Давыдов*), либо кореферентно – по отношению к одному и тому же лицу (*поэт и одновременно гусар Давыдов*). При этом важно отметить, что семантическая интерпретация СК, имеющих в своем составе дискореферентные именные группы, также не является однозначной, ср. предложения:

(38) *Поэт и гусар Давыдов* о чем-то разговаривали.

(39) У входа стояли *поэт и гусар Давыдов*.

(40) В доме бывали *поэт и гусар Давыдов*.

Во всех трех случаях СК имеет дисреферентный характер – указывает на два разных лица, однако существуют различия, касающиеся референтных ситуаций. В первом случае глагольный предикат *разговаривать* имеет множественную дистрибуцию, поэтому коокуренция референтов именных групп *поэт и гусар Давыдов* обусловлена внутренним фактором, закодирована в структуре предложения. Во втором случае глагольный предикат *стоять* не требует присутствия множественного актанта, однако именная группа *у входа* указывает на то, что референты сочиненных компонентов *поэт и гусар Давы-*

дов относятся к одной и той же ситуации. Наконец, в третьем предложении грамматическое (а именно – итеративное) значение глагола *бывали* указывает на то, что мы имеем дело с дистрибутивным характером номинации:

- (41) 'В одно время в доме бывал поэт, а в другое время в доме бывал гусар Давыдов; возможно, были такие случаи, когда они были в доме одновременно, вместе'.

В предложении

- (42) *Byliśmy znowu matką i dzieckiem* (М. Kuncewiczowa).

СК характеризуется дистрибутивной референцией – на это указывает множественное число предиката. При этом вовсе не исключено и коллективное употребление данной конструкции, как и не исключен факт, что одно и то же лицо может быть одновременно матерью и ребенком.

Коллективная референция в некоторых случаях может иметь менее очевидный характер, однако, если в СК наблюдается высокая степень семантической диспаратности членов, с большой вероятностью следует допустить, что мы имеем дело именно с таким типом референции. Проанализируем с этой точки зрения отрывок из прозы К. Чуковского:

- (43) Если бы из всех этих мелких рассказов, из многотомного собрания его сочинений вдруг каким-нибудь чудом на московскую улицу хлынули все люди, изображенные там, все эти полицейские, акушерки, актеры, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, архиереи, циркачи (или, как они тогда назывались, циркисты), чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне северных и южных губерний, генералы, банщики, инженеры, конокрады, монастырские служаки, купцы, певчие, солдаты, свахи, фортепьянные настройщики, пожарные, судебные следователи, дьяконы, профессора, пастухи, адвокаты, произошла бы ужасная свалка [...] («Современники. Портреты и этюды»).

С одной стороны, перечисленные герои произведений А. Чехова не выступают в одной и той же ситуации, но, с другой стороны, основание для утверждения о коокуренции членов есть: все перечисленные лица так или иначе относятся к одной и той же серии произведений одного автора, а тем самым к российской действительности конца XIX века, представленной в его рассказах. В подобном духе о предложении из прозы А. Платонова

(44) У Юшки в груди кашель и невзгода.

пишет О. Осборн:

[...] Логически несоотносимые понятия соединяются как однородные в целях подчеркнуть болезненное состояние персонажа. *Невзгода в груди* (эмоциональное состояние) метафорически соотносится с *кашлем в груди* (реальный симптом болезни) для одновременного описания физического и эмоционального состояния больного; значения обоих соединяемых компонентов осмысливаются как негативные, что усиливает эффект описания болезненности героя¹⁷.

Отсутствие формальных маркеров дистрибутивной и коллективной референции СК проявляется в том, что одно и то же выражение в разных контекстах и в разных коммуникативных перспективах может получить разные семантические интерпретации. Эта семантическая амбивалентность может использоваться как средство создания комического эффекта, например:

(45) Ojciec chwali się przed kolegą:

- Wyobraź sobie, że mój dziewięcioletni Piotrek *przebiegł wczoraj trzy kilometry i skoczył półtora metra wżwyz*.
- Nic dziwnego, przy takim rozbiegu...

Один коммуникативный партнер употребляет СК *przebiegł wczoraj trzy kilometry i skoczył półtora metra wżwyz* дистрибутивно, т.е. имея в виду, что сын сначала пробежал три километра, а потом, уже в другой ситуации, выполняя другие упражнения, прыгнул в высоту на полтора метра. Второй коммуникативный партнер понимает ту же информацию коллективно, т.е. как факт, что мальчик совершил два поступка в рамках одного события: сначала сделал трехкилометровый разбег, а затем прыгнул в высоту на полтора метра.

3. Семантическая характеристика коллективных СК

В предыдущем разделе указывалось, что в СК с дистрибутивной референцией требование семантического согласования компонентов выполняется достаточно регулярно¹⁸. В то же время коллективная референция не накладывает

¹⁷ О. Осборн, *К вопросу о разграничении языковых норм и языковых правил (на примере сочинительных конструкций в русском языке)*, «Вестник КемГУ» 2010, 2(42), с. 109.

¹⁸ Встречаются исключения из данного правила, к которым можно, например, отнести предложение: *W klatce rodzinnej najbardziej męczą się kobiety. W zapłacie za dawanie dupy i zupy utrzu-*

дывает на семантическую сочетаемость слов подобных ограничений – здесь принимается во внимание семантическая коокуренция, т.е. принадлежность партиципантов к одной и той же референтной рамке. Если мы обратимся к предложению из прозы В. Ерофеева

- (46) А ты мог бы: ночью тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, надеть штаны и вернуться домой

то можем констатировать, что сочиненные компоненты указывают на отдельные, следующие друг за другом этапы реализации некоторого события (которое можно, например, квалифицировать: ЧТО МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ В ПАРТКАБИНЕТЕ. Неважно, что компоненты представляют несравнимые понятия, а вся конструкция выглядит абсурдной – в данном случае выполняется требование, в соответствии с которым референты сочиненных единиц соотносятся с одним и тем же объектом действительности, с одной и той же ситуацией или одним и тем же событием или положением дел.

Разумеется, семантическая коокуренция не исключает семантического согласования сочиненных единиц. Например, в названии советского фильма (1941, режиссер И. Пырьев)

- (47) Свиная и пастух

выступают два антропонима, называющих людей по выполняемой профессии. Но основанием для СК послужило не это, а факт, что фильм рассказывает о любви между свиной Глашей и дагестанским пастухом Мусаибом. Название можно, тем самым, перефразировать:

- (48) О том, как свиная влюбилась в пастуха.

На факультативность семантического согласования в коллективных СК указывают следующие заголовочные названия:

- (49) *Пастух и царь* (фильм режиссера А. Ледащева, 1935)

- (50) *Пастух и туман* (фильм режиссера К. Юсупжановой, 1989)

---

tywane są przez mężów lub wykonują prace prymitywne, żeby przynieść do domu pieniądze, za które samca będzie stać na karierę („Nie”; 2015/18). СК *dupy i zupy* с дистрибутивной референцией характеризуется семантическим рассогласованием, что, однако, компенсируется фонетическим сходством слов. Ср. также подобный русский пример: *Пил и пел с двумя оперными басами* (К. Чуковский).

- (51) *Свинарка и актриса* (название статьи в интернете о Марине Ладыниной, исполнительнице роли Глаши в упомянутом фильме Пырьева)
 (52) *Любовь и голуби* (название фильма режиссера В. Меньшова, 1984)

В речевой практике встречается немало случаев, когда говорящий отдает себе отчет в семантическом рассогласовании сочиненных единиц, оставляя за собой право их объединения в одну конструкцию на основании их коокуренции. Ниже приводятся польские и русские примеры семантической диспаратности такого рода:

- (53) *Zwykłe, biedne miasteczko w sercu Indii. Masa warsztatów, sklepy z mydłem i powidłem* („Tygodnik Powszechny”; 13 XII 2009).
 (54) *Ciągle zadziwia też żywotność wszechobecnych sklepików oferujących „szwarc, mydło i powidło”* („Tygodnik Powszechny”; 14 VI 2009).
 (55) *On i małpka para nierozłączna* (M. Nowakowski).
 (56) *Oni siedzą przed domem, [...] w typowo mazurskim pomieszeniu piękna i dobrze zakorzenione go bezładu* („Tygodnik Powszechny”; 17 VII 2011).
 (57) *У девушки усталые глаза и хорошее французское произношение* (А. Мариенгофф).
 (58) *Разве вы не зайдете к нам? У нас есть вышитая скатерть, рыжий кот и стеклянная лодка* (К. Паустовский).
 (59) *Так вкусно пахло здесь портянками, хлебом и картошкой* (Ю. Казаков).
 (60) *Чонкин развел руками и опять посмотрел на печку, на Сталина, на девочку* (В. Войнович).

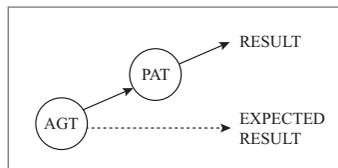
Несмотря на тождество синтаксических позиций, члены СК в условиях коллективной референции выражают разные аргументные функции. Выше уже отмечалось, что одной из таких структур является пропозиция: *P (субъект, объект)*. Прежде всего следует отметить, что встречаются особые синтаксические структуры, в которых первый член конъюнкции носит фоновый, служебный, интерпретативный характер, как, например, русские выражения с глаголом *взять*: *взял и сказал, взял и не приехал, возьмет и передумает*¹⁹. Подобный характер имеют английские конструкции типа *go-and-Verb*, которым посвящена большая лингвистическая литература. Вслед за А. Стефановичем²⁰ приведу несколько иллюстраций:

¹⁹ Подробнее о конструкциях этого типа см.: Н.М. Стойнова, *Конструкция взять и сделать в русском языке*, [в:] *Структуры и интерпретации*, ред. Ф.И. Дудчук, Москва 2010, с. 158–189.

²⁰ А. Stefanowitsch, *The go-and-VERB construction...*, p. 124.

- (61) Look what you've gone and done!
Посмотри, что ты сделал!
[Дословно: Посмотри, что ты пришел и сделал!]
- (62) He's gone and lost his job.
Он потерял работу!
[Дословно: Он пошел и потерял работу.]
- (63) It was going to be a surprise, but he went and told her.
Это должен был быть сюрприз, но он сказал ей это.
[Дословно: Это должен был быть сюрприз, но он пошел и сказал ей это.]
- (64) Nobody thought he could climb Everest, but he went and did it!
Никто не думал, что он сможет подняться на Эверест, но он все же/вопреки этому сделал это!
[Дословно: Никто не думал, что он сможет подняться на Эверест, но он пошел и сделал это!]
- (65) We asked him not to call the police, but he went (ahead) and did it anyway.
Мы просили его не звонить в полицию, но он тем не менее сделал это.
[Дословно: Мы просили его не звонить в полицию, но он пошел (вперед) и все-таки сделал это.]

Как видно из примеров, глагол *go* не представлен в семантической интерпретации предложения, а его присутствие имеет отношение к модальной рамке. Так, Стефанович пишет, что в предложениях (61), (62), (63) выражается модальное, а именно – экспрессивное значение ‘*annoyance on the part of the speaker*’; в предложении (64) тот же автор усматривает значение спонтанности, непредсказуемости действия, а в предложении (65) – значение ‘*without regard to others*’. Стефанович перечисляет ряд других значений модального, интерпретативного характера, которые реализуются в конструкциях типа *go-and-Verb*, например: раздражение, разочарование, неодобрение; негативная оценка действия (как неудачного, неуместного и т.п.); непредусмотренный скачок в процессе повествования; решительность действия и др.²¹ Для представления этого рода семантики СК Стефанович использует метод образно-схематических репрезентаций. Например, предложению (61) и выражаемому в нем значению спонтанности действия соответствует схема:

²¹ Там же, с. 127; см. также: Н.В. Денисова, *Квазисочинение и псевдосочинение*, «Вестник Санкт-Петербургского университета» 2007, 9/3/11, с. 125.

Заключение о том, что соединительный союз в конструкциях такого рода указывает, как пишет Н.В. Денисова, на точечное действие или на единый процесс²², может быть экстраполировано и на другие типы конструкций, в том числе характерные и для славянских языков. Это, например, касается СК с модальным глаголом в первой позиции, ср.:

(66) *Захочу и прерву*, хоть сейчас (А. Пятигорский).

(67) В этом году мы *захотели и сделали* в нем одни акценты (Ю. Галактионова).

(68) *Захочет – и придет* в республику нового Кадырова (В. Портников).

Совершенно очевидно, что однородность членов здесь только формальная. Без особых трудностей сочинительная связь может быть преобразована в подчинительную, ср.:

(69) Если захочу прервать, то сделаю это хоть сейчас.

Если захочу, то прерву хоть сейчас.

(70) В этом году мы захотели сделать в нем одни акценты.

(71) Если захочет прислать в республику нового Кадырова, то сделает это.

Если захочет, то придет в республику нового Кадырова.

Модальный (оптативный) глагол в данном случае дополнительно указывает на обстоятельство реализации некоторого действия, а именно – на его намеренный характер, а в некоторых случаях также на то, что осуществление действия требовало от субъекта усилий.

Заключение

В статье показано, что применение только формально-грамматических, конструктивных критериев при описании сочинительной связи недостаточно, так как при этом оказываются неучтенными многие важные аспекты функционирования СК, как и многие факторы, важные для их классификации. Предложенная в традиционной дериватологии, а также в трансформационном синтаксисе теория слитности (именуемая также теорией союзной редукции) не отражает целого ряда важных семантических элементов, присутствующих в содержании СК, например, касающихся их таксисных, причинно-следственных, условных, пояснительных, модальных и др. отношений. Обращение к семантическому аспекту сочинительной связи является наиболее актуальным

²² Н.В. Денисова, указ. соч., с. 125.

в случае, когда конструкция характеризуется единой или общей референцией, т.е. указанием на один и тот же объект, одну ситуацию или секвенцию ситуаций в рамках одного события. В связи с этим в статье предложено различать два типа референции СК: дистрибутивный и коллективный, а в рамках коллективной референции – кореферентные и коокурентные сочиненные единицы.

Проблема описания СК с коллективной референцией представляется особенно актуальной в свете корпусной грамматики. Я имею в виду использование электронных корпусов для установления типов синтагматических (пропозициональных) структур, реализуемых в конструкциях сочинительной связи, а также их описания с квантитативной и функциональной (в частности, стилистической) точки зрения.